

Иван РАХИЛЛО

# Вертинский

## ИЗ ДАЛЕКОГО ДАЛЕКА

В конце двадцатых годов я жил в Малеевке. Кругом глухие места, болота. Никаких дорог. Наша писательская коммуна была отрезана от внешнего мира. Целые дни обитатели Малеевки проводили за рабочим столом. Единственное развлечение — самодельный детекторный приемник, оснащенный Малышкиным. Мы слушали в наушники то, что «ловилось». И однажды глубокой ночью, откуда-то из далекого далека, после румынской мелодии на скрипке долетела песня. Пел Вертинский:

*Что за ветер в степи  
молдаванской,  
Как поет под ногами  
земля...*

Шли слухи, что артист уехал за границу, но сведений о нем нигде в печати не появлялось. И этот голос, прилетевший сквозь непроглядную ночь, чем-то волновал, вызывая уже позабытые воспоминания.

*А когда засыпают березы  
И поляны отходят ко сну,  
Ох, как сладко,  
как больно сквозь слезы  
Хоть взглянуть на родную  
страну...*

Тронули тогда за душу слова песни. Им в лад шумел ветер в голом осеннем лесу...

В годы Великой Отечественной войны Вертинскому разрешили вернуться на Родину.

## ПЕРВЫЙ КОНЦЕРТ

Полудожь-полуснег, ветер гонит по лужам зябкое сиверко. Кузнецким мостом поднимаемся с Дейнекой в Политехнический на концерт Вертинского. Первый для нас, хотя Вертинский уже давно выступает по клубам и дворцам культуры. Однако достать билеты невозможно. Александр Дейнека — не поклонник Вертинского, идет из любопытства.

— Осознал! Вернулся. Понял, что не в ногу шагал. Странно, Олеша утверждает, что Маяковский высоко ценил творчество Вертинского. Маяковский? — И громко, на всю улицу: — Да разве возможно с его песенками-акварельками отразить могучую походку нашей страны!

Подняв воротник куртки, стараюсь представить образ Вертинского, каким он сложился в воображении. По снимку из старого журнала: белое напудренное лицо, атласный костюм Пьеро. Вместо пуговиц — мохнатые орхидеи. Вокруг шеи — черное жабо... И что же: полное разочарование! На эстраду, на ту знаменитую эстраду, где мы с Дейнекой выдвигали Маяковского с его атакующим ревом, вышел несуразный длиннорукий мужчина с невыразительной внешностью сутулого бухгалтера. Ничего не было в его внешности ни артистичного, ни поэтического, все скучно, обыденно. Он стоял довольно долго, ожидая, пока в зале наступит тишина. Наконец по его кивку аккомпаниатор положил руки на клавиши рояля. И «бухгалтер» запел. Нет, даже не запел — негромко заговорил. Он не пел. Он стал рассказывать нам о своей тоске, об одиночестве, о печальных скитаниях, о любви к Родине. И случилось чудо: на глазах у всех артист преобразился. Одним движением ру-

ки, поворот мел передать состояние души — любовь, тревогу, нежность, сомнение, восторг. Покоряла вдохновенная импровизация его жестов, казалось, пел не только он сам, пели его удивительные руки, длинные пальцы.

Песни его были не столь незамысловаты, как это могло показаться с первого знакомства. Притягательность их заключалась в глубокой искренности, в подлинности переживаний. Эти песни были рождены чьей-то чужой жизнью, но они заставляли задуматься, в каждой из них отраженно угадывался зримый ответ времени. Я понял: песни эти создавались не для развлечения.

*Проплываем океаны,  
Бороздим материк,  
И несем в чужие страны  
Чувство русское тоски...*

Артист пел стихи Блока, Ахматовой, Есенина, и каждый его номер был законченной музыкальной новеллой.

## ГОЛОС РОДИНЫ

— Хотите услышать Вертинского — поспешите к нам в студию!..

После войны я работал на радио в «Последних известиях». Звонил диктор Константин Афанасьевич Кириллов. Он вел передачи на границу «Голос Родины». Вертинского ожидали тут с минуты на минуту. Кириллов быстро пояснил мне смысл и форму будущего выступления артиста.

Дело в том, что многие русские эмигранты, участвовавшие в годы войны в движении Сопротивления, сражавшиеся в партизанских отрядах, пожелали вернуться на Родину. В ответ на это в белогвардейской печати была поднята кампания лжи и клеветы. На страницах газет публиковались рассказы и «воспоминания очевидцев», заметки, письма и статьи, выдуманные «репортажи», полные глупого вранья. Будто те, кто возвращается в Советскую Россию, остаются без работы, торгуют на улицах спичками. Вот что вызвало передачи из Москвы с живыми голосами и документальными рассказами тех, кто уже обрел свою Родину.

В этих передачах принимал участие и Вертинский, ибо в зарубежной прессе появились клеветнические измышления, будто артист бедствует, ведет нищенский образ жизни, стоит с газетами возле Моссовета, прозябает где-то на задворках. Вертинский приехал в студию. Стал задумчиво прохаживаться по мягкому ковру, видимо, обдумывая предстоящее выступление. Кириллов встретил с улыбкой. Поздоровался.

— Вы готовы, Александр Николаевич?

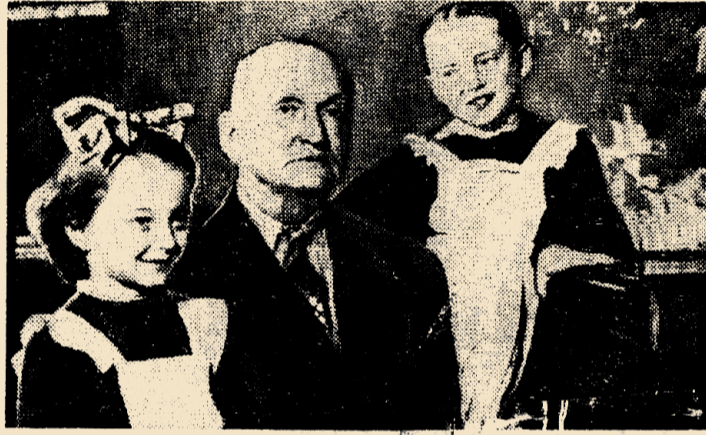
— Я давно готов, полночи думал. О многом хочется сказать мне сегодня — и тем, что еще колеблется в своем возвращении, и подонкам, кто так беспардонно врет!

Вертинский выступал, жестикулируя, оживленно возражая незримым противникам, будто видел их перед собой воочию, речь его была живой, непосредственной, доказательной. Сначала он рассказывал о былых своих встречах, надеждах, разочарованиях. О том, как его никогда не покидало чувство тоски по родной земле, о том, как он дважды обращался с просьбой о своем возвращении и ему было отказано в этом. Как невесело и тяжело

ему дышалось на чужбине. Как встретила его обновленная Родина.

— Русский народ, — говорил Вертинский, — пошел по новой, светлой дороге. Недалекие борзописцы распространяют нелепые слухи, будто я торгую на улицах газетами. Должен сказать, что у этих господ превратное представление о Москве и о жизни в Советской стране. Газеты продают в kiosках. А возле Моссовета даже и kiosка такого нет. И уж совсем несусветное вранье, будто я обитаю в какой-то закудалой лачуге.

Вертинский говорил с вдохновенным негодованием.



Александр Николаевич ВЕРТИНСКИЙ с дочерью Анастасией и Марианной. 1951 год.

— Но не буду останавливаться на продажных пассажах, — продолжал он. — Расскажу о своей жизни. У меня прекрасная квартира в самом центре Москвы, рядом с магазином бывшего Елисеява. Мои концерты устраиваются в разных городах страны. Артисту в Советской стране не надо лебезить, угождать и кривляться перед публикой, артист уважаем, полон достоинства.

Вертинскому улыбнулась судьба: у него родились две доченьки, две ласточки, о таком светлом счастье он даже и не мечтал.

— Я ощутил себя «птицей, что устала петь в чужом краю и, вернувшись, вдруг узнала Родину свою!». Моя новая песенка посвящена моим слезным крошкам-доченькам. Я хочу поделиться с вами своей радостью!

И Вертинский спел у микрофона эту свою песенку.

## ЧУЖИЕ ГОРОДА

— Поделитесь воспоминаниями? Для очерка? — отвечает по телефону Вертинский. — Приходите! Через полчаса еду на киностудию, на съемку, по дороге и побеседуем.

Машина мчит по вечерним улицам, огни пролетающих фонарей полусвещают бледное лицо артиста. Он рассказывает о своих заокеанских гастролях. В Америке для его дебюта был арендован один из самых больших концертных залов Нью-Йорка — «Таун-холл». Он очень волновался в день концерта. Но организаторы поздравили с аншлагом, все билеты распроданы.

— На концерт пришли артисты, художники, музыканты, композиторы. Шаяпин, Рахманинов, Фокин, приехала Марлен Дитрих и много других знаменитостей, — рассказывал Александр Николаевич. — И странно, но присутствие таких людей не только не напугало меня, не обескуражило, а наоборот — как-то даже

окрылило. Пелось мне в тот вечер от души, и принимались песни горячо. Осмелев, я решил впервые исполнить на публике недавно написанную песню «Чужие города». Я сочинил ее накануне отбытия из Европы.

*Тут шумят чужие города,  
И чужая плещется вода,  
И чужая светится звезда...*

Песня затронула самые затененные чувства слушателей. Ведь в зале было много русских, занесенных судьбою в дальнюю сторонку и тоскующих по родной земле.

*Это было, было и прошло,  
Все прошло  
и выголой замело...*

Артист задумчиво, аполголоноса пропел-проговорил заключительные строчки своей песни:

*Тут живут чужие господа,  
И чужая радость и беда,  
Мы для них —  
чужие навсегда...*

— А концерт свой я закончил песней: «О нас и о родине». Показалось, что могут обрушиться потолки: слушатели неистово аплодировали стоя.

— Скажите, Александр Николаевич, а в кино вы впервые снимаетесь?

— Впервые! Голубчик, в сто первый! Впервые я стал сни-

и тут же пошagal в чистое поле, как это требовалось по сценарию. С крыльями, привязанными к спине. Ну и закончил! Вернулся в Москву, там уже журналисты пронохали про эту съемку. На другой день все газеты распечатали про мой подвиг.

С Иваном Мозжухиным мы дружили потом до самой его смерти. Спусти несколько лет в Париже Мозжухин был какое-то время кумиром, его приглашали на главные роли, он стал все время популярен. Он снова привлек меня в кино, и я в свободное от концертов время снимался с ним во многих картинах.

С введением звукового кинематографа жизнь Мозжухина пошла по наклонной. Голос его оказался не фоногенным. Он уехал в Голливуд. Но и там не пришел к двору. Вернулся в Париж, стал стареть, на съемки не приглашали...

Особенную славу принес Мозжухину фильм о великом английском актере Кине. Судьба Кина во многом была схожа с его собственной. В этой роли Мозжухин достиг самых высоких творческих вершин. Сцена смерти Кина незабываема! За оторванной ставней на дворе неистовствует осенняя буря. У постели умирающего актера лишь верный его друг — старый суфлер, в роли которого снялся тоже русский актер, Колин. Буря ломает пополам хрупкую березку, растущую под окном, и жизнь покидает великого Кина...

Я был в концертной поездке далеко от Парижа, в Шанхае, когда узнал о смерти Мозжухина. Иван умерал в одиночестве, забытый всеми. Назвали его лишь бродячие русские цыгане, они пели на Монпарнасе. Таков был печальный удел одного из талантливейших русских актеров! Не приживаемся мы на чужбине.

## ВСТРЕЧА

### НА БУЛЬВАРЕ

Однажды в новогодний вечер, после окончания праздничной передачи, мы с К. А. Кирилловым решили пойти в Дом журналиста. Погода была совсем не новогодняя, теплая, сырая, с мокрым снегом. Мимо Пушкина и разнорычажной разноцветными огоньками елки мы брели с Пушкинской площади по совершенно безлюдному Тверскому бульвару. Лишь напротив Театра имени Пушкина на скамейке сидела, как нам показалось, закутанная в шубу бабушка с муфтой, а неподалеку от нее две маленькие девчушки лепили снегурочку. Какую же было наше удивление, когда, подойдя к скамейке, мы при неярком свете уличного фонаря узнали Вертинского. Нахлобучив на голову шапку и укутав голову в меховой воротник, артист неподвижно сидел, засунув руки в рукава шубы.

— И что за непогода такая! — пожаловался он. — Там, в парижских и лондонских, мечтаю о румяной матушке-зиме, о русском морозце. И вот пожалуйста, такая мозглятина. А мне предстоит поездка. Отправляюсь в Воронеж и в Краснодар. Филармония постаралась... За последнее время устать что-то стало...

— Александр Николаевич, а может, вам уже и не следует ездить в далекие гастроли? Может, пора и отдохнуть?

— Что вы, что вы! — испуганно замазал обеими руками Вертинский. — Как можно! Ведь это моя профессия, моя жизнь! Нет, это невозможно, немислимо, бог с вами!

Две девочки с нежными, фарфоровыми личиками то и дело подбегали к нему, взираясь на колени и, поцеловав, снова бежали к своей снегурочке.

— Мои доченьки, — счастливо улыбнулся Вертинский. — Я у них самый любимый мужчина...

И взяв за руки своих дочурок, он, счастливый, пошел их по бульвару домой. Артист, поэт, человек с изломанной судьбой, обретший Родину.